
Глава 25

Монстр

Для Чу Сюня эти слова стали моментом предельной искренности — почти полным откровением, на которое он только был способен.

Порой ему нравилось прятать истину за фасадом шуток, но чаще всего он просто не позволял никому даже коснуться своего сердца.

Ло Хуай, уткнувшись лицом в его шею, долго хранил молчание. Лишь спустя вечность он едва слышно отозвался.

Затем, тщетно пытаясь сохранить самообладание, он слегка отстранился. В глубине его глаз застыл влажный блеск непрошенных слез. Ло Хуай всё еще выглядел так, будто ответ Чу Сюня не до конца удовлетворил его, но бешеное сердцебиение выдавало его с головой. Он преобразился, наполнился жизнью; из его образа исчезли былая мрачность и холодное, безжизненное оцепенение.

Чу Сюнь тихо рассмеялся и негромко спросил:

— Ты доволен? Или на этом закончим?

В его голосе зазвучали искусительные нотки, а интонация, ставшая двусмысленной и вкрадчивой, вновь посеяла в душе правителя смятение.

Тот опустил голову и прочистил горло, изо всех сил стараясь казаться спокойным.

— Продолжим, — выдохнул он. — Почему бы и нет?

Тогда рука юноши, которую он только что убрал, лениво скользнула вперед. Его пальцы едва касались фаланг Ло Хуая, будто брUNET в любую секунду готов был сплести их в замок.

Ло Хуай невольно потянулся к нему, желая перехватить ладонь, но Чу Сюнь ускользнул. Правитель повалился на мягкие простыни, придавленный весом чужого тела.

Он наклонился к нему; в его глазах, напоминавших лепестки персика, заплясали чарующие

искры, способные лишить воли любого. Капля воды, зацепившаяся за кончик его волос, сорвалась и медленно упала за воротник Ло Хуая. Она скользнула по шее, коснулась кожи и оставила мокрый, липкий след.

Юноша почувствовал, как холодная влага течет по его телу, огибая каждый изгиб, пока не впиталась в ткань одежды на поясице. Это влажное, прохладное ощущение невольно пробуждало путанные мысли.

Он вздрогнул. Чу Сюнь, состроив невинную мину, сощурился и с улыбкой произнес:

— Прости. Кажется, воды слишком много.

Ло Хуай бессильно отвел взгляд.

Он, изображая деятельное участие, кончиками пальцев расстегнул пуговицы безупречного пиджака правителя, а затем принялся за рубашку... Его движения замерли лишь тогда, когда перед ним обнажилась испещренная шрамами кожа.

Прохладные пальцы нежно коснулись застарелых рубцов — точно на тело опустилась снежинка.

Тот лишь в этот момент осознал, к чему позволил прикоснуться Чу Сюню. Охваченный внезапным сопротивлением, он попытался отстраниться.

Сгорая от стыда, он накрыл ладонью глаза bruneta и хрипло прошептал:

— Не смотри... Это уродливо.

Однако Чу Сюнь и не подумал останавливаться. Лишенный возможности видеть, он безошибочно находил кончиками пальцев старые раны. Его подушечки медленно скользили по неровным линиям шрамов, то и дело слегка надавливая на них. В его движениях почему-то сквозила странная, несвойственная ему медлительность.

Юноша тихо всхлипнул. Нежные прикосновения стали для него настоящей пыткой. Он чувствовал себя преступником перед лицом судьи, выставившим напоказ свою самую постыдную, самую жалкую сторону. Ему оставалось лишь дрожать, моля о том, чтобы это истязание поскорее закончилось.

А пальцы Чу Сюня, впитавшие жар его лихорадочно разгоряченного тела, постепенно согрелись. Теперь они напоминали талую ледниковую воду — ледяную, но обжигающую, заставляющую Ло Хуая невольно вскрикивать при каждом касании.

Прошло много времени, прежде чем правитель услышал голос своего спутника.

Впервые в интонации того отчетливо прозвучала печаль.

— Ло Хуай, — тихо спросил он. — Тебе было больно?

В понимании Чу Сюня раны не стоили того, чтобы о них горевать. Любое увечье рано или поздно заживет, а боль исчезнет, если проявить достаточно терпения и силы.

Но теперь, видя эти следы на теле Ло Хуая, он почувствовал, как они колют ему глаза. Ему стало... не по себе.

Тот промолчал. Лишь спустя несколько секунд он заговорил — тихо, мягко, глотая окончания слов:

— Раны на теле не болят.

«...Но когда тебя не было рядом, сердце разрывалось от боли»

Чу Сюнь вздохнул и убрал руку.

Ло Хуая мгновенно накрыла волна тревоги и горечи.

«Вот и всё. Чу Сюню никогда бы не понравился такой человек, как я, а теперь всё стало ещё хуже»

Он не мог понять: может, Чу Сюнь разозлился на его ответ? Вдруг он решил, что тот лжет?

Правитель убрал руку от глаз брюнета и, подавшись вперед, поспешно заговорил:

— Мне правда было не слишком больно... Честно. Я часто почти ничего не чувствую. Ты ведь знаешь об успокаивающем эффекте SPI. Я лично курировал разработку второй версии и постоянно проверял её на себе. Никаких серьезных проблем не возникало.

— К тому же... — Ло Хуай запнулся, и его голос стал совсем тихим. — Разве тебе... не больше нравятся те, кто остается в одежде?

К концу фразы его голос сошел на нет. Ему показалось, что он сказал нечто непоправимое: глаза Чу Сюня на мгновение потемнели, в них промелькнуло нечто пугающее и непонятное.

Этот взгляд заставлял трепетать от страха, но в то же время тянул к себе... вызывая желание быть наказанным.

Ло Хуай запоздало осознал собственную дерзость, но, взвесив все «за» и «против», решил, что благоразумнее будет просто признать свою вину.

К несчастью, возможности сказать что-то еще ему не представилось.

Чу Сюнь окинул его нечитаемым взглядом, выпрямился и пересел в изножье кровати, оставив правителю лишь вид своего безупречного профиля. Затем он мягко сощурился и, склонив голову набок, спросил:

— Почему ты так часто принимал SPII, м-м?

Одурманенный чужой красотой, Ло Хуай ответил не задумываясь:

— Потому что не хотел просыпаться.

«Потому что не мог обуздать желания, кипевшие в моей душе»

Вторую часть фразы он так и не произнес. Трезвый рассудок вовремя одернул его, предостерегая от того, чтобы показывать Чу Сюню свою истинную натуру.

Это было бы слишком жалко. Слишком отвратительно.

Видя, как тот вовремя прикусил язык, Чу Сюнь не выдержал и коротко, зло рассмеялся.

Затем смех исчез. Он ледяным тоном приказал:

— Что еще? Выкладывай всё.

Тот упорно молчал.

Чу Сюнь досадливо цокнул языком. Глядя на Ло Хуая, который явно вознамерился не проронить ни слова, он решил, что пришло время прибегнуть к радикальным мерам.

Однако за восемь лет многое изменилось. Молодой господин больше не был тем робким и послушным мальчишкой, который молча сносил выговоры. Он стал куда смелее. Брюнет еще не успел решить, как именно его проучить, когда услышал за спиной шорох ткани.

Он обернулся и увидел, как Ло Хуай, прилежно опустив голову, застегивает пуговицы своей рубашки одну за другой. А затем, неловко, точно новорожденный зверек, он пополз к нему. Расстояние было совсем коротким, и вскоре Чу Сюнь почувствовал знакомое прикосновение к своей талии.

Ло Хуай прижался лицом к его боку и слегка потерся кожей о кожу, на деле доказывая свое коварное умение уходить от темы.

Адамово яблоко на шее брюнета судорожно дернулось. Он промолчал.

Прошло много времени, прежде чем Ло Хуай с жалобным видом поднял голову, и Чу Сюнь милостиво позволил ему перевести дух.

Юноша приоткрыл тяжелые веки, обхватил Ло Хуая за подбородок и заставил его открыть рот. Кончиком пальца он легонько коснулся его нижней губы.

— Кожа немного лопнула, — лениво заметил он.

В его взгляде читалось некое порочное очарование; в глубине зрачков редко и ярко вспыхивали искры.

Он медленно наклонился, стер слезы и влагу с лица правителя и вкрадчиво прошептал:

— Давай попробуем по-другому, хорошо?

Ло Хуай смотрел на него сквозь пелену слез. Его алые губы приоткрылись, и он послушно отозвался:

— Хорошо.

Он весь дрожал, точно человек, погружающийся в пучину вод и мертвой хваткой цепляющийся за единственное спасение. Юноша обнимал Чу Сюня за плечи и тихо всхлипывал. Тот ласково коснулся его затылка и негромко спросил:

— Тебе плохо?

Ло Хуай совсем лишился сил. Он слабо покачал головой, и даже это простое движение отозвалось в теле дрожью.

Он прошептал, что ему не плохо. Просто он не может сдержаться.

Чу Сюнь тихо рассмеялся и поцелуем заглушил вырвавшийся из чужого горла стон. Затем его поцелуи спустились ниже, к татуировке на руке правителя.

Имя, выведенное поверх шрамов, сейчас пламенело ярким багрянцем. Брюнет коснулся его губами, а затем властно сжал предплечье ладонью, заставляя эту краску расцвести еще пышнее.

Правитель не помнил, как долго плакал этой ночью. Он помнил лишь то, как в конце Чу Сюню пришлось бережно коснуться его глаз. Тот с улыбкой заметил, что если он не перестанет, то простыни промокнул насквозь — во всех смыслах.

Дело было в том, что даже когда Чу Сюнь проявлял предельную нежность, Ло Хуай всё равно ощущал этот пугающий, граничащий со смертью трепет.

Можно было сказать, что Носитель был страшен во всех своих проявлениях.

Но одновременно с этим Ло Хуая захлестнула волна небывалого блаженства. Брюнет сжимал его хрупкие плечи в своих ладонях; тот, не в силах сдержать слез, прятал лицо на его плече и кротко целовал его в щеку.

Чу Сюнь мягко прижал ладонь к его измятой, пришедшей в негодность рубашке. Через тонкую ткань он поглаживал старые раны с невыразимой нежностью.

За все эти годы никому не было дела до боли правителя. Никто никогда не касался этих шрамов так, как он.

«Чу Сюнь... он самый лучший. Самый замечательный»

Время тянулось бесконечно, пока на горизонте не забрезжила бледная полоса рассвета. Юноша поднялся, подхватил Ло Хуая за талию и повел в ванную.

Там, в клубах густого пара, Ло Хуай привалился к краю ванны. Он рассеянно перебирал светлые пряди брюнета, прилипшие к его бледной коже. А затем, не в силах оторваться, он бережно коснулся пальцами того самого следа от укуса на ключице.

Чу Сюнь невольно улыбнулся. Ло Хуай едва держался на ногах от усталости, но на уровне инстинктов всё еще продолжал метить территорию.

Они смыли с себя следы ночи и переоделись в чистые пижамы. В главной спальне спать было невозможно, так что им пришлось перебраться в гостевую комнату.

Юноша повернулся на бок, чтобы видеть Чу Сюня, и мгновенно погрузился в глубокий сон.

Тот не любил делить постель с кем бы то ни было, но Ло Хуай давно перестал быть для него «кем-то». Он ничего не сказал, лишь мягко потрепал его по макушке и вскоре тоже уснул.

Однако спустя короткое время Чу Сюнь резко очнулся.

Его чувства были заточены на любое проявление угрозы. В тот же миг, когда он открыл глаза, его пальцы рефлекторно сомкнулись на тонком, беззащитном горле, когда Ло Хуай склонился над ним.

И на то была причина.

Тот по какой-то причине снова открыл глаза в темноте. Он долго и молча созерцал спящего Чу Сюня взглядом, в котором плескалась бездонная, пугающая одержимость. В конце концов, поддавшись первобытному порыву, он впился зубами в его горло.

Он проснулся мгновенно, но, осознав, что это Ло Хуай, медленно разжал пальцы.

С правителем явно творилось нечто неладное. Он прижимался лицом к его шее, замороженный ритмичным биением пульса под тонкой кожей. Казалось, ему ничего не стоило прокусить артерию, чтобы брюнет больше никогда не смог открыть глаз.

Но каждый раз, когда он готов был сжать челюсти, укус сменялся робким, почти благоговейным касанием языка. Снова и снова он терся лицом о его шею, пока кожа Чу Сюня не стала пунцовой.

Прошло много времени, прежде чем брюнет медленно уперся указательным пальцем в лоб Ло Хуая и слегка отстранил его.

— Наигрался? — негромко спросил он.

Ло Хуай замер. Он медленно разжал челюсти и, натянув одеяло, спрятался под ним почти целиком. Снаружи остались лишь его темные глаза, которые не отрываясь следили за Чу Сюнем.

Словно осознав что-то, он зажмурился и свернулся калачиком. Его лицо исказилось от боли.

Чу Сюнь притянул его к себе и тихо спросил:

— Хотел убить меня?

Юноша кивнул. А затем, помедлив, решительно и медленно покачал головой.

Прижатый к его груди, он будто снова оказался в том теплом и безопасном месте, где они встретились десять лет назад.

Минуты текли в тишине. Правитель приник лицом к мягкой ткани на груди Чу Сюня и в ночном безмолвии прошептал:

— Прости... Я стал совсем странным.

— Я... часто становлюсь таким.

Брюнет мягко погладил его по спине, которая всё еще мелко дрожала от напряжения.

— Понимаю, — серьезно ответил он. — Тебе есть что еще сказать?

Ло Хуай долго и сосредоточенно думал. Наконец он осторожно поднял голову и, глядя Чу Сюню прямо в глаза, произнес с пугающей серьезностью:

— Я превратился в монстра... Но я всё равно люблю тебя.

<http://bllate.org/book/15843/1435664>